

Новосибирский государственный университет экономики и управления
ул. Каменская, 56, Новосибирск, 630091, Россия

E-mail: obssib@mail.ru

ОБЩЕСТВА КОНТРОЛЯ И ДИСЦИПЛИНЫ

В статье исследуются современные модели экономического управления на глобальном и региональном уровнях и разделение функций управления между властью и технологиями. Показано, что применение властных технологий контроля и соблазнения на основе монетаристской денежно-кредитной политики приводит дисциплинарные общества к потере темпов экономического роста и затяжным кризисным явлениям в социальной и культурной динамике в целом. Государственное регулирование с необходимостью требует принятия кейнсианских мер и институционализации знания в структуре экономического управления.

Ключевые слова: общество дисциплины, контроль, капитал, управление развитием общества, государственное регулирование, технологии власти, финансовые институты, субъект смысла, знание.

До и после кейнсианской модели экономического управления

В модели экономического управления, объёмлющей традиционные формы государственного регулирования экономики с возможными постиндустриальными инновациями в управлении и финансовой системе, суммируются два вектора – вектор собственно экономического развития общества и вектор реализации властных технологий. Первое в отечественной философии ранее описывалось в терминах социально-исторической теории К. Маркса, позднее на основании экономических моделей Дж. М. Кейнса, Ф. фон Хайека и М. Фридмана. Вместе с тем именно субъект власти и смысла решает, что нужно знать, какие инновации нужны обществу, на кого они «работают»: делают ли они богатых еще богаче, а бедных беднее. Как отмечает Б. А. Лиетар: «Реальная проблема – не в том, произойдут или нет изменения в денежных системах (они уже идут), а в том, понимаем ли мы, что подразумевается под такими изменениями» [Лиетар, 2007. С. 25]. Иными словами, необходимо разработать такую модель экономического управления, при которой инновации не вступают в противоречие с реализацией властных технологий, но обеспечивают свободное развитие, а не один только потребительский бум, стимулируемый кредитами и ведущий к обнищанию масс в случае девальвации национальной валюты или дефолта по долгам

государственных корпораций. Для достижения этого понимания воспользуемся исторической моделью М. Фуко, оперирующей понятиями суверенитета, дисциплины и контроля.

Общества дисциплины: экономическая теория К. Маркса

Согласно исторической модели М. Фуко [1999], общества дисциплины приходят на смену обществ суверенитета в XVIII–XIX вв. Их расцвет приходится на эпоху, непосредственно предшествующую мировым войнам. В отличие от обществ суверенитета, дисциплинарные общества ориентированы не столько на сбор налогов с населения страны, сколько на организацию фабричного производства и сопутствующих ему гигантских пространств изоляции, отношения между людьми в которых строго регламентированы, не подвержены пересмотру и не являются предметом обсуждения. Власть организует эти пространства таким образом, чтобы человек проводил в них большую часть своей жизни: с детства семья и школа ограничивают круг его общения и, в известной степени, подчиняют своему уставу, который, как и устав воинской службы, выверяет поведение в соответствии с казарменным распорядком, исключая творческое влияние улиц и площадей. Тюрьма и больница – пространства изоляции, что называется, *par excellence*. Вместе с тем «идеальным» изоляционным проектом вы-

ступает заводское и фабричное производство, которое концентрирует и распределяет пространство и упорядочивает время с целью такого расположения производительных сил в пространственно-временном континууме, чтобы полученный результат превышал сумму изначальных сил.

Теория прибавочной стоимости К. Маркса описывает экономический базис этих обществ, индустриальную стадию капитализма. На смену простому товарному производству обществ суверенитета ($T \rightarrow D \rightarrow T$) приходит расширенное, основанное на наемном труде капиталистическое производство дисциплинарных обществ ($T \rightarrow D \rightarrow [СП + РС] \rightarrow T' \rightarrow D'$). Появляется спекулятивный капитал ($D \rightarrow D'$); начинается ускоренное развитие науки и техники. В описанной К. Марксом капиталистической общественно-экономической формации инновации возникают, как правило, за пределами традиционных производств. Так, заслуга изобретения механического ткацкого станка принадлежит Эдмунду Картрайту, священнослужителю по роду занятий. В британскую текстильную промышленность фабрики были внедрены Ричардом Аркрайтом, производителем париков, а не самими ремесленниками или торговцами, которые поставляли им сырье и обеспечивали заказы.

Развитие производства преимущественно за счет средств производства это, по словам В. И. Ленина, «настоящее “производство для производства”, – расширение производства без соответствующего расширения потребления» [Ленин, 1908]. Последнее включает в себе противоречие, которое соответствует самой природе капитализма в обществах, которые мы вслед за М. Фуко называем дисциплинарными. На известной ступени общественного развития противоречия между растущим обобществлением производства, усиленным концентрацией и централизацией капитала, и частнокапиталистической формой присвоения, между малочисленным классом собственников и большинством трудящихся, лишенных средств производства, становятся антагонистическими, что приводит к социальному взрыву. Как самодовлеющая цель, технологическое развитие производительных сил общества происходит без соответствующего расширения потребления, «утилизации технологических завоеваний массой населения».

Ограниченное вследствие нищенского состояния потребление народных масс, вне всякого сомнения, противоречит безграничному, ныне в прямом смысле этого слова, стремлению к расширению капиталистического производства.

Именно это противоречие было констатировано К. Марксом во многих положениях «Капитала», в частности: «Последней причиной всех действительных кризисов остается всегда бедность и ограниченность потребления масс, противодействующая стремлению капиталистического производства развивать производительные силы таким образом, как если бы границей их развития была лишь абсолютная потребительная способность общества» [Маркс, 1986. С. 532]. Закономерным выводом становится мысль К. Маркса о монополии капитала как приговоре общественной системе капиталистического хозяйствования:

«Вместе с уменьшающимся числом магнатов капитала, которые узурпируют и монополизируют все выгоды этого процесса превращения (процесса обобществления производства), возрастает масса нищеты, угнетения, рабства, вырождения, эксплуатации, но вместе с тем растет и возмущение рабочего класса, который постоянно увеличивается по своей численности, который обучается, объединяется и организуется механизмом самого процесса капиталистического производства. Монополия капитала становится оковами того способа производства, который вырос при ней и под ней. Централизация средств производства и обобществление труда достигают того пункта, когда они становятся несовместимыми с их капиталистической оболочкой. Она взрывается. Бьет час капиталистической частной собственности. Экспроприаторов экспроприируют» [Маркс, Энгельс, 1963. С. 772–773].

От дисциплины к контролю: экономическая теория Д. М. Кейнса

Какие инновации позволили современному капитализму избежать тех непреодолимых противоречий на путях социального развития, что в начале прошлого века привели к великой депрессии в США и утверждению фашизма в Европе и большевизма в России? Опираясь на социально-историческую концепцию К. Маркса и более

поздние теоретические результаты, в частности на работы М. Хайдеггера, мы можем заключить, что фундаментальная причина социального движения состоит в совершенствовании техники. По К. Марксу, техническое развитие приводит к смене общественно-экономических формаций. М. Хайдеггер, примиряясь с «тайной планетарной сверхмощи неосмысленной сущности техники», полагал, что нацизм и большевизм возникают как результат встречи планетарной техники с современным человеком [Хайдеггер, 1991. С. 241], при этом технику никогда не удастся взять под контроль просто волевым человеческим усилием: «Техника, чье существо есть само бытие, никогда не даст человеку преодолеть себя. Это означало бы, что человек стал господином бытия» [Хайдеггер, 1993. С. 253].

Соответствие между типом общества и типом машины было вполне очевидным и для Ж. Делёза, хотя он и не считал, что машины определяют тот или иной тип общества, но был согласен с тем, что машины выражают собой социальные формы, которые их производят и используют [Делёз, 2004. С. 215–233]. Общества суверенитета использовали рычаги, тяги, часы; более поздние дисциплинарные общества оснастили себя машинами и использовали энергию, подвергаясь «пассивной опасности» энтропии и «активной опасности» саботажа. К началу прошлого века в промышленных технологиях к видимому миру рычагов, шатунов, осей и коленчатых валов добавился невидимый мир атомов, электромагнитных волн, электронных потоков, бактерий и вирусов. Общества контроля изобрели кибернетические машины и компьютеры, пассивная опасность которых – зависание, а активная – пиратство и внедрение вирусов.

Трансформация общественных отношений, как на уровне хозяйственной практики, так и прослеживаемая в экономической теории, позволила использовать капитализм для большинства членов общества. Каким образом капиталистическая общественная система осуществила технологическую эволюцию, приведшую к тому, что Ж. Делёз назвал «мутацией капитализма», – от капитализма концентрации ради производства и собственности к капитализму сверхпроизводства? Если общества надзирания и принуждения времен «Капитала» К. Маркса завоевывали рынки путем создания дисципли-

нарных пространств, понижения стоимости товаров и специализации производства, современный капитализм захватывает контроль, фиксирует обменные ставки и видоизменяет продукцию. Наряду с развитием техники основанием «мутации капитализма» послужило то обстоятельство, что общество это система с рефлексией, изменяющая саму себя, реализующая механизмы не только собственно научно-технического развития, но и механизмы осознанных социальных преобразований. Осознание капитализмом своей социальной функции произошло в результате рациональной оценки экономической эффективности комплексного изменения системы хозяйствования и социальных институтов. К. Маркс, а затем и В. И. Ленин оказали «услугу» современникам и потомкам, разъяснив, в чем должно заключаться главное направление экономического и государственного развития капитализма. Обществу предстояло создать массового потребителя, способного обладать высоким покупательным спросом. Этот потребитель будет заинтересован в развитии, а не уничтожении капитализма, причем в развитии таком, какое проявляется в неизменном повышении уровня жизни большинства членов общества, а не только верхушки имущественной пирамиды. Другого выхода быть не может – экономическая теория К. Маркса и Ф. Энгельса недвусмысленно эксплицирует, чем завершается стихийное, неконтролируемое политическими и экономическими социальными институтами развитие капитализма. В. И. Ленин, в свою очередь, практически доказал, каким социальным взрывом чревато массовое обнищание населения в периоды кризисных явлений или затяжной войны.

Дисциплинарное общество осознало свою социальную функцию, когда Ф. Д. Рузвельт взялся за осуществление нового курса, с которым сочеталась принципиально новая экономическая теория спроса и государственного экономического регулирования – «Общая теория занятости, процента и денег». Ее автор британский экономист Дж. М. Кейнс считал, что экономика не столько наука о мышлении в терминах моделей, сколько искусство выбора моделей, соответствующих постоянно изменяющемуся миру. Проанализировав причины и последствия изменения стоимости денег, влияние инфляции на распределение дохо-

дов, зависимость между ожиданиями в изменении цен и процентными ставками, ученый сделал вывод, что приоритетом денежно-кредитной политики является поддержание стабильности внутренних цен, а не завышение курса национальной валюты, как это делало английское правительство после первой мировой войны. При этом Дж. М. Кейнс настаивал на отсутствии автоматической балансировки между ожидаемыми сбережениями и инвестициями и высказывал мнение об ошибочности трудов К. Маркса в научном плане и бесполезности их для капитализма 1930-х гг. Между тем именно в стимулировании выхода из депрессии за счет роста покупательной способности населения при условии использования государственных средств и состояло открытие Дж. М. Кейнса. Он полагал, что рост потребления создает рабочие места и тем самым способствует оздоровлению экономики. В открытом письме Ф. Д. Рузвельту, провозгласившему две цели своей политики – реформы и оздоровление экономики, он писал:

«Следующее размышление относится к технике самого оздоровления, объектом которого является увеличение национального продукта и занятости населения. В современной экономической системе все производимое выпускается для продажи; и объем производства зависит от покупательной способности, взятой по отношению к первоначальной стоимости продукции, которая, как ожидается, поступит на рынок. В широком смысле, и увеличение производства поэтому зависит от величины покупательной способности, взятой по отношению к первоначальной стоимости продукции, которая, как ожидается, поступит на рынок. В широком смысле, производство поэтому не может возрасти, пока не заработает хотя бы один фактор из трех. Людей следует побуждать тратить больше из тех доходов, что у них есть. Это побуждение может исходить либо из мира бизнеса, либо из возрастающего доверия к будущему, либо из низкой процентной ставки: все для того, чтобы создать дополнительный текущий доход у наемных работников, что и происходит, когда увеличивается переменный либо постоянный капитал страны. Также и общественная власть может быть призвана для оказания помощи в деле обеспечения дополнительно текущего дохода путем расходования за-

имствованных средств либо денежной эмиссии. В трудные времена нельзя ожидать, что первый фактор будет сколько-нибудь существен. Второй фактор начинает работать как вторая волна атаки на последствия кризиса после того, как началось восстановление за счет денежных расходов общественной власти. Вот почему только от третьего фактора мы можем ожидать первоначальной основной импульс» (подчеркнуто автором. – О. С.) [Keynes, 1933].

Для решения поставленных задач требовалось государственное вмешательство в экономику – не тотальная государственная монополизация отраслей промышленного производства, а правительственное регулирование жилищного строительства, сельского хозяйства, военно-промышленного комплекса, создание необходимой для бизнеса инфраструктуры. Другими словами, планирование в умеренных масштабах, какое было осуществлено Ф. Д. Рузвельтом. Таким образом обществу было задано направление перехода от властных технологий с открытым характером, открытость которых состоит в явном надзирании и принуждении к труду, к властным технологиям, которые манипулируют людьми, соблазняя их как потребителей. Принуждение становится скрытым, надзирание превращается в контроль, осуществляемый при помощи высоких технологий, которые собственно и характеризуют вступление в постиндустриальную эпоху инновационных решений. С развитием информационных технологий традиционные факторы производства – земля, труд и капитал – потеряли былое значение и уступили его другому источнику прибавочной стоимости и наращивания капитала – знанию.

**Монетаризм и рейганомика:
«шаг вперед, два шага назад»
в постиндустриальной экономике
обществ контроля**

Отношение к кейнсианской модели к середине 1970-х гг. стало определяться качественно новым уровнем развития техники и производительных сил. Новый уровень потребления размыл границы классового деления общества на капиталистов и рабочую силу. В развитых странах число наемных работников, приобретающих на заработную плату не только предметы потребления, но и

средства производства (путем скупки акции предприятий), а также вкладывающих свои сбережения в государственные и корпоративные долговые обязательства, стало сравнимо с числом рабочих, не владеющих акциями и облигациями. Однако уровень жизни и тех и других не позволяет причислять их к описанному К. Марксом пролетариату. Не удивительно, что М. Тэтчер называла Дж. М. Кейнса «динозавром», а Р. Рейган с 1983 г. стал реализовывать политику, основным принципом которой стало дерегулирование. В экономической науке восторжествовали волновая теория Ф. фон Хайека и монетаризм М. Фридмана. Стабильности цен начали добиваться на путях неинфляционного роста количества денег, ограничив способы государственного регулирования экономики налоговым и бюджетным механизмами. Для постиндустриального общества, когда равновесные цены и объемы производства сразу реагируют на изменение ситуации, к примеру, на появление новой технологии, это был тактически оправданный шаг, позволяющий дать новый импульс предпринимательству и добиться достижения известных политических целей. Монетаристская денежно-кредитная политика, при которой изменения роста денежной массы определяют изменения интенсивности роста номинальных доходов, и возникла в обществе с высоким уровнем жизни и таким уровнем развития производительных сил и производственных отношений, какой приводит к тотальному господству информационных технологий.

Вместе с тем дерегулирование экономики и отсутствие существенных социальных гарантий со стороны государства не может не усиливать имущественный разрыв в обществе. Рост благосостояния населения США и стран Западной Европы обязан не столько монетаристским мерам, сколько общей тенденции развития техники и глобализации, выводящей социальное напряжение вовне – в страны «третьего мира». Однако этот якобы высокий уровень жизни относительно и при детальном рассмотрении оказывается спорным. Так, в результате осуществления монетаристского денежно-кредитного контроля над потреблением работодатель фактически отменил «семейную ренту» – негласное соглашение, по которому наемный работник получал заработную плату, позволяющую ему содержать жену и

детей. Накануне американской промышленной революции 1830-х гг. филаделфийский профсоюз предупреждал своих членов: «Противьтесь привлечению к труду ваших женщин всеми доступными вам средствами и всеми силами! Мы должны получать достойное вознаграждение за свою работу, чтобы содержать наших жен, дочерей и прочих домашних... Капиталисты хотят заставить трудиться каждого мужчину, каждую женщину и каждого ребенка; не поддадимся же на их уловки и не позволим им забрать у нас семьи!» [Бьюкенен, 2003. С. 57].

Как отмечает П. Дж. Бьюкенен: «При сельскохозяйственной экономике рабочим местом был дом, где муж и жена вместе трудились и вместе жили. В индустриальной экономике мужчина покидает дом, чтобы работать на фабрике, а жена остается и приглядывает за детьми. Сельскохозяйственная экономика подарила нам многочисленную семью; экономика индустриальная ввела в обращение семью-ячейку. А в постиндустриальной экономике оба супруга работают в офисе, так что с детьми дома оставаться некому – да и детей может вообще не быть» [Там же. С. 53].

Общество, в котором оба супруга вынуждены (или соблазнены) трудиться, чтобы обеспечить детям достигнутый ими, в том числе и за счет долгосрочного кредитования, уровень жизни, вряд ли может считаться обществом социального благоденствия. В нынешней ситуации мирового кризиса капитализма «государство всеобщего благосостояния» по-прежнему остается целью социального прогресса большинства цивилизованных стран, хотя модели экономического управления наиболее успешных в этом отношении государств – Швеции, Норвегии, Лихтенштейна, Монако, Швейцарии, Новой Зеландии – по причине своеобразия их экономических или природных условий не могут быть образцовыми для остальных.

На пути к современной модели экономического управления

Изменения на финансовом рынке, происшедшие за последнюю треть века, явились результатом постиндустриального экономического развития и привели к качественному пересмотру способов получения прибыли крупным финансово-банковским и

промышленным капиталом. Так, вместо ссуд предприятиям банки все больше предпочитают предоставлять потребительские займы населению, используя при этом кредитные платежные карты и другие электронные средства информационного тысячелетия. Тем самым посредством финансового рынка реализуются властные механизмы обществ контроля. М. Фуко называл их технологиями соблазнения и манипулирования: человек отныне не человек-заклученный, но человек-должник.

Капитализм, который ведет в никуда: между надзором и контролем

Возникновение гигантского имущественного разрыва в постсоветском обществе стало следствием реформирования экономики по монетарному образцу. Выбор монетаристской модели экономического развития был обусловлен позицией международных финансовых институтов, прежде всего, Всемирного банка и Международного валютного фонда, кредитование инфраструктурных изменений российской экономики со стороны которых в 1990-х гг. осуществлялось при условии реформирования общественных отношений на путях рыночной либерализации цен под девизом «Рынок решает все». При этом поддержание государствами-кредиторами, входящими в состав ВБ и МВФ, устойчивых в длительной перспективе темпов своего социально-экономического развития также основывалось на монетаристском тезисе о том, что рыночная система хозяйствования сама по себе в силу внутренних тенденций стремится к стабильности и саморегулированию. Роль государства в экономике была сведена к контролю над денежным обращением в сфере прироста денежной массы и инфляционных ожиданий. Любое другое государственное вмешательство в экономику стало рассматриваться как вносящее диспропорции в рыночные отношения в целом и экономическое управление в частности.

Падение военных режимов в середине 1970-х гг. в Греции, Португалии и Испании, а затем в начале 1980-х в Турции и Латинской Америке (Перу, Аргентине, Уругвае, Бразилии) сменилось распадом Варшавского Договора и появлением на постсоветском пространстве нескольких десятков государств, нуждающихся в средствах для

структурной перестройки экономики и образа жизни. Это было время утверждения всей полноты монетаризма в экономическом управлении государств-кредиторов и, как следствие, их заемщиков. Между тем монетаристская модель если и могла быть применена на постсоветском пространстве, то исключительно к странам Центральной и Восточной Европы, которые могут рассчитывать на помощь Евросоюза в случае финансового и экономического коллапса, саму возможность которого и призвана не допустить модель М. Фридмана. Американский ученый, однако, не предполагал, что последовательная реализация монетаристской денежно-кредитной политики приводит к «закредитованности» рынка, когда нехватка денег выступает главной причиной возникновения депрессии, а как раз наоборот – постоянная денежная эмиссия является причиной переизбытка денежной ликвидности и, как следствие, многократно завышенной стоимости финансовых инструментов, обращающихся на мировом и национальных финансовых рынках, как в сегменте ценных бумаг и срочных контрактов, так и в сегментах валют и межбанковского кредита. С 2007–2008 гг. «кредитный пузырь» сдувается в реальном секторе экономики США и Евросоюза или лопается, как в странах, наиболее зависимых от кредита – Исландии, Венгрии, странах Балтики и Центральной Азии.

Основанная на постоянном росте потребления, монетаристская модель эксплуатирует властные технологии скрытого характера – технологии соблазнения и контроля, применение которых обозначает наступление постиндустриальной эпохи. Наемный работник устраивается на работу не потому, что в отсутствии таковой ему нечего будет есть и негде будет жить, как это было в дисциплинарных обществах, принуждавших пролетариат продавать рабочую силу, но потому что соблазнен более высоким уровнем жизни. В погоне за дорогостоящим продуктом он берет кредит и таким образом вынужден оплачивать его на протяжении достаточно длительного периода жизни. Принуждение сменяется контролем, язык аналогий между пространствами изоляции – цифровым языком ультраскоростных форм контроля в открытых пространствах. Как замечает Ж. Делёз, это хорошо видно на примере заработной платы: «завод пред-

ставляет собой такой организм, который стремится поддерживать свои внутренние силы в точке равновесия как можно более высоким производством и как можно более низкой заработной платой; однако в обществах контроля корпорация заменяет собой завод, корпорация – это душа, это газ. Конечно, и на заводах была система поощрений и премий, но корпорации заходят гораздо дальше и навязывают постоянную модуляцию заработной платы, порождая состояние вечной метастабильности, которое приходит благодаря соревнованиям, конкурсам и крайне забавным коллоквиумам» [Делёз, 2004. С. 228]. Личное соперничество, противопоставляющее одного работника другому, это самый сильный импульс, используемый корпорациями для мотивации повышения производительности труда, который все более основывается на росте знания и информатизации производства. На смену изолированных пространств школ и заводов приходят деформирующие сами себя, постоянно изменяющиеся пространства транснациональных корпораций и институтов непрерывного образования.

В новом веке российская власть широко использует технологии обществ потребления – технологии соблазнения и контроля. Это происходит в обществе, в котором уровень жизни кардинально отличается от западных стран. Так, результатом проведения монетаристской денежно-кредитной политики стала небывало высокая дифференциация реальных доходов населения Российской Федерации. Согласно данным МЭРТ, разница в доходах между десятью процентами наиболее и наименее обеспеченных категорий граждан составляла 14,5, 14,8, 14,9 и 15,3 раза в 2003–2006 гг. соответственно. Безнадёжная бедность – вот основная характеристика пролетариата эпохи К. Маркса и Ф. Энгельса. И ныне покупательная способность большинства трудоспособного населения страны немногим превышает прожиточный минимум. Процессы централизации капитала и уменьшения платежеспособного спроса, описанные К. Марксом, В. И. Лениным, С. Н. Булгаковым и др., сегодня, как и сто лет назад, создают экономические и политические риски для общества, из тупика плановой экономики ткнувшегося в тупик монетаризма.

В то же время в условиях разрастающейся бюрократизации, шаткости прав на соб-

ственность, отсутствии инвестиций в инфраструктуру и колоссальном росте коррупции Россия, как прежде – из феодализма в коммунизм, предпринимает попытку из государственно-монополистического «развитого социализма», минуя четверть века кейнсианского регулирования, вступить в современный постиндустриальный капитализм. В отсутствие потребителя (кредитоспособного заемщика) и кредитора (национальной банковской системы с частным капиталом и реальным притоком инвестиций) монетаристская денежно-кредитная политика задействует технологии соблазнения, обрекая население на увеличение потребления без достижения соответствующего уровня развития производительных сил. Это заведомо ведет к деградации кадрового потенциала страны, к всецелой зависимости национальной экономики от мировых цен на сырьевые товары, что противоречит самой идее обществ контроля не принуждать, а соблазнять к труду, не заставлять, а образовывать, не ввозить, а производить научные и информационные инновации. Налицо противоречие между резким увеличением потребления за счет кредитования и всецелого поощрения к кредиту и уровнем развития производительных сил, соответствующим дисциплинарному обществу, в котором кредитование широких масс населения в силу ничтожности их доходов не допускалось и допускаться не может. При всей очевидности нефтевластия, недооценки труда и чрезвычайно низких реальных доходах населения в обществе до сих пор не создается опасность применения технологий потребительского соблазнения – технологий обществ с высоким уровнем жизни и более чем полувековым устойчивым развитием.

Другое противоречие между властными технологиями, с одной стороны, и развитием отечественного производства товаров и услуг – с другой, заключается в самом характере экономического управления. Использование технологий манипулирования общественным мнением, технологий формирования картины реальности такой, какая нужна власти, при помощи средств массовой информации «работает» в обществах постиндустриального развития, классовые противоречия внутри которых преодолены либо в силу глобализации, когда вместе с открытием трудоемких производств вынесены в страны «третьего мира», либо в силу

реализации модели «социального государства» для большинства населения. Убеждать же граждан дисциплинарного общества, пусть даже при условии тотального контроля за электронными и печатными информационными средствами, в том, что «вкатывать надо больше», при нехватке у них средств для покупки товаров первой необходимости – занятие неблагодарное и чреватое социальным недоверием и, в конце концов, взрывом. При этом репрессивный аппарат государства до сих пор строится на властных технологиях надзирания и принуждения к труду – технологиях общества дисциплины прошлого столетия. Этот явный разрыв между надзиранием, с одной стороны, и соблазнением к потреблению – с другой, порождает социальную напряженность и не может не сказываться на монетаристской модели управления рынком в сторону корректировки ее к большей степени государственного регулирования рыночных отношений. Однако это лишь полумеры.

В современную модель экономического управления наряду с такими факторами производства, как земля, труд и капитал должны быть включены институциональные формы получения и организации знания. Роль научного сообщества не может и не должна ограничиваться разработкой экспертных оценок экономического развития страны¹, к которым и прибегают-то впервые за последние двадцать лет. Уровень производительности труда на одного занятого в российской экономике по паритетам покупательной способности составляет 27 % от уровня производительности в США и 42 % от уровня в Германии и Японии. Это означает, что российская экономика находится на уровне развития Западной Европы конца 1960-х гг. и Южной Кореи – начала 1990-х. Очевидно, что с такой экономикой и продолжением монетаристского курса никакого высокотехнологичного рывка не сделать, даже если инновационный путь развития и декларировать политически. Провозглашалось политической властью и превращение России в международный фи-

нансовый центр. Как видим, смыслы, декларируемые субъектом власти, зачастую идут вразрез со знанием реальной экономической ситуации в стране. Выявление технологического паритета с другими странами, областей отставания от мирового уровня, глубоких разрывов между фундаментальными исследованиями и внедренными в хозяйственную практику технологиями требует включения науки как института знания и субъекта смысла в выработку и в некоторых – наиболее важных, судьбоносных для социально-экономического развития страны – случаях принятие властных решений. Создание единой системы государственного прогнозирования, с помощью которой субъект власти на научной основе определял бы приоритеты стратегического развития страны, концентрируя усилия на базовых направлениях, необходимо в такой же степени, как единые инновационные цепочки, где уже есть все звенья – от идей до их коммерциализации.

Усиление роли государства как прямого источника конечного спроса означает первый шаг на пути к реализации кейнсианской модели экономического управления. Нет лучшего способа погубить технологическую модернизацию экономики, как возложить ее на одни только рыночные механизмы, увязшие в топливно-сырьевом секторе производства. Интересы нефтяного и газового капитала, единолично формирующие субъект власти, ведут страну в никуда: без наукоемких производств и современной инфраструктуры бизнеса – основы постиндустриальной экономики – невозможны ни самостоятельная внешняя политика, ни государственный суверенитет. Супервычисление, альтернативные источники энергии, нано- и биотехнологии не могут не опираться на мощное финансирование школьных программ, целевой государственной политики подготовки кадров и, что не менее важно, обеспечения достойного уровня жизни этих кадров у себя в стране, а не за рубежом. Как следствие, государственное управление экономикой, реализующее сценарий инновационного развития, есть не что иное, как принятие кейнсианских мер – размещение программ крупных государственных заказов, способных оживить совокупный спрос в масштабах национальной экономики, на предприятиях, модернизирующих производство.

¹ Какие, например, даны в: *Материалы заключительной сессии 2008 г. Общего собрания РАН «Научно-технологический прогноз – важнейший элемент стратегии развития России»*. <http://www.ran.ru/science/20090208/161368734.html>.

Конец капитализма или капитализм для большинства?

Может ли кейнсианская модель экономического управления стать универсальным средством выхода из финансового и экономического кризиса в обществах контроля, чья экономика задействует постиндустриальные механизмы развития? Не означает ли государственное регулирование конец капиталистической системы хозяйствования, который спешит провозгласить часть западных философов и экономистов?

Действительно, модель экономического управления начала 1980-х гг., основанная на получении максимальной прибыли частными инвесторами и отмене государственного регулирования, необходимого для защиты интересов всего общества, привела к кризису индустриализации целых регионов, упадку инфраструктуры, сокращению социальных программ и спровоцировала напряженность из-за неконтролируемых и нерегулируемых экономических, социальных и иммиграционных процессов. По данным РБК, корпоративный и государственный долг США к концу 2008 г. превышал ВВП ведущей экономики мира в 3,7, а с учетом социальных обязательств – в 8,2 раза. Для сравнения это отношение к началу великой депрессии в 1929 г. составляло 1,5, а в 1933 г. – 2,9 раза. Акции инвестиционных банков США, тем не менее, до недавнего времени продолжали продаваться по ценам, в несколько раз превышающим их балансовую стоимость. Это результат игнорирования теорией Фридмана взаимосвязанного аспекта расширения и сжатия кредита, ее, по словам Дж. Сороса, порочности. дерегулирование экономики сделало рынок акций и других финансовых инструментов более важным, чем товарный: современный капитал, как правило, стремится максимизировать прибыль, а не долю на рынке производимого продукта. Корпорации принадлежат профессиональным управляющим портфелей; акционеры не заинтересованы в производстве, поскольку единственная цель владения акциями заключается в том, чтобы делать на них деньги.

Необходимость пересмотра фундамента социально-экономической модели современного общества и его философии, которая оказалась достаточно примитивной, основанной исключительно на прибыли, потреб-

лении и личном доходе, отмечают столь различные общественные деятели, как М. С. Горбачёв [2008] и Дж. Сорос [1999]. Речь идет о переосмыслении не только модели экономического управления, но самой идеологии современного капитализма. Крах инвестиционных банков с Уолл-Стрит наглядно показал, насколько ущербна современная финансовая система, когда бремя зародившегося в США кризиса приходится нести странам «третьего мира». Как отмечает Дж. Сорос, уязвимыми перед финансовым кризисом эти страны сделала навязанная Всемирным банком и МВФ рыночная дисциплина «Вашингтонского консенсуса» – набор политических рекомендаций, включающих бюджетную дисциплину, приватизацию собственности, дерегулирование рынков, либерализацию торговли. Нанесенный этими рекомендациями урон еще не осознан: капитал уходит с периферийных рынков, экспортные операции страдают от недостатка оборотных средств, отсутствует долгосрочное финансирование.

Вместе с тем сравнительно благополучные США, в которых публикуется в 10 раз больше научных статей, чем в России (2,8 млн против 286 тыс. в 2005 г.), сталкиваются с дискредитацией науки как института знания. Американские философы пишут: «Наука находится в большей опасности, чем большинство из нас себе представляет. Этот кризис выходит за рамки сиюминутных проблем, как, например, уменьшение финансирования фундаментальных исследований. Наука развивается культуре, которую она обслуживает, а эта культура становится все более враждебной, о чем свидетельствуют атаки креационистов на теорию эволюции и движение в пользу так называемой теории разумного замысла. ...Престиж науки подрывается также и коррупцией в рядах ученых, связанных с фармацевтическими и другими компаниями; изображениями в средствах массовой информации ученых как исчадий зла; страхом перед прорывами в биологии, которые угрожают пересмотром самого понятия “человечество”. Сама научная методология подвергается нападкам со стороны “менеджеров правды”, которые при принятии решений отталкиваются от иных критериев – от мистического озарения до политического или религиозного авторитета. Борьба вокруг вопроса об истине является частью процесса

изменения нашего отношения к такой глубинной основе, как знание» [Тоффлер, 2008. С. 546–547].

Ныне в области экспорта информационно-коммуникационных технологий Китай опередил США и вышел на первое место в мире. Существуют ли какие-либо преимущества властных технологий обществ контроля (демократии США и Западной Европы) перед обществами дисциплины (Китай, Россия, Индия, Пакистан)? Западная цивилизация дала миру демократию, философию рационального исследования и научно-технический прогресс. После падения диктатуры коммунистических галлюцинаций, по мнению Дж. Франкла, «Нет никакого сомнения, что Запад сохранил свою свободу, но какой ценой? Не упорным трудом, – ибо теперь труд, в отличие от старого мира, перестал быть необходимостью благодаря машинам и механизированному производству, – а ценой возросшей объективации и деперсонализации сознания и души человека» [Франкл, 2007. С. 219–220]. Задаваясь вопросом, ведет ли механизм современной науки к либеральной демократии, Ф. Фукуяма также приходит к выводу, что отношения между экономическим развитием и технологиями власти далеко не случайны, однако мотивы выбора демократии в основе своей не экономические: «У них *другой* источник, а индустриализация дает им осуществиться, но не делает необходимыми» [Фукуяма, 2005. С. 179].

Чередование волн социальной политики и экономического развития – вот что отличает постиндустриальные либеральные общества от индустриальной диктатуры дисциплинарных обществ и «лабораторий жизни» (метафора, какую Дж. М. Кейнс употреблял по отношению к Советскому Союзу). На заре кибернетики британский экономист предложил свою экономическую модель индустриального общества. В США, а затем и в странах Западной Европы повышение качества жизни людей сопровождалось целенаправленными вложениями в науку, здравоохранение, образование. Конечно же, огромное содействие оказали и итоги второй мировой войны, из которой США вышли с минимальными потерями, получив высококвалифицированных эмигрантов и все возможные бонусы Бреттон-Вудской валютной системы, в создании которой принимали участие и Дж. М. Кейнс, и

М. Фридман. Однако это не меняет характера общего вывода – без четкой государственной политики, направленной на всемерное повышение качества жизни населения, никакая инновационная деятельность или высокотехнологичный рывок невозможны: иначе кадры, которые «решают все», в который раз будут разменяны строною за рубежом.

По мысли Ж. Делёза, «если в наши дни нам чего-то недостает, так это не критики марксизма, а именно современной теории денег, которая была бы столь же хороша, как и теория Маркса, и даже была бы ее продолжением» [Делёз, 2004. С. 198]. С развитием техники, производительных сил и производственных отношений кейнсианская модель не потеряла своего значения. Капитализм, в котором масса населения обладает покупательной способностью, гарантирующей расширенное производство, это капитализм для большинства. Он обнаруживает, что есть сферы человеческой деятельности, в которых рыночные механизмы не работают. Смысл социальной политики и государственных расходов на образование, науку, здравоохранение и жилищное строительство состоит как в борьбе с бедностью через перераспределение богатства и тем самым предотвращение социальных взрывов, так и в развитии того, что прежде называлось у нас «человеческим фактором» и подразумевало повышение производительности труда и интенсификацию экономики. Все это происходило в условиях либерализации и демократизации государственной власти и не могло состояться без гласности, без попытки осознать, что представляет собой современное общество и каким образом возможно «благополучие для всех».

Список литературы

- Бьюкенен П. Дж.* Смерть Запада. М.: Изд-во АСТ, 2003. 444 с.
- Горбачёв М. С.* Всемирный кризис. La Stampa. 11 ноября 2008 г.
- Делёз Ж.* Переговоры. СПб.: Наука. 2004. 240 с.
- Ленин В. И.* Развитие капитализма в России. СПб.: Паллада, 1908. <http://www.zhurnal.ru/magister/library/lenin/len03v01.htm>
- Лиетар Б. А.* Будущее денег: новый путь к богатству, полноценному труду и более

мудрому миру. М.: КРПА Олимп; АСТ; Астрель, 2007. 493 с.

Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. 1963. Т. 23.

Маркс К. Капитал. М., 1986. Т. 3.

Сорос Дж. Кризис мирового капитализма. Открытое общество в опасности. М.: ИНФРА-М, 1999. 262 с.

Тоффлер Э., Тоффлер Х. Революционное богатство. М.: АСТ; АСТ Москва: Профиздат, 2008. 569 с.

Франкл Дж. Цивилизация: утопия и трагедия. М.: АСТ; Астрель, 2007. 254 с.

Фуко М. Надзирать и наказывать. М.: Ad Marginem, 1999.

Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М.: АСТ; Ермак, 2005. 588 с.

Хайдеггер М. Переводы и публикации // *Философия Мартина Хайдеггера и современность.* М.: Наука, 1991. 253 с.

Хайдеггер М. Поворот // *М. Хайдеггер. Время и бытие.* М.: Республика, 1993. С. 253–258.

Keynes J. M. An Open Letter To President Roosevelt. New York Times, 16 December 1933. <http://newdeal.feri.org/misc/keynes2.htm>

Материал поступил в редколлегию 02.02.2009

O. B. Solovyev

THE SOCIETIES OF CONTROL AND DISCIPLINE

The paper contains the study on the modern model of economic management both in global and regional levels. Researched subject is the interrelations between the power techniques and the forms of economic development. The using of power techniques and the monetaristic money-and-credit policy are shown to guide the disciplinary societies to the loss of economic development rate and to the crisis not only on the financial markets but in the social and cultural dynamics as well. Governance regulation of economics requires Keynesian Cross and institutionalization of knowledge in the structure of economic management.

Keywords: disciplinary society, control, capital, management of social development, governance regulation, power techniques, financial institutions, governance regulation, subject of sense, knowledge.